

Е.Ю. Фаркова

Кутузов Михаил Илларионович

Персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», в повествовании представлен в точных хронологических описаниях от октября 1805 по декабрь 1812 года.

Портрет полководца складывается из отдельных деталей, которые рассеяны на протяжении нескольких страниц. Он «тяжело ступает», шествует «медленно и вяло». У него «жирная шея», «пухлое, изуродованное раной лицо», по которому изредка пробегает «чуть заметная улыбка». Он пользуется уважением солдат:

«—...Сказывали, Кутузов кривой, об одном глазу?

— А то нет! Вовсе кривой.

— Не... брат, глазастей тебя, сапоги и подвертки — все оглядел...»

11 октября 1805 года Кутузов проводит смотр пехотного полка у крепости Браунау в Австрии. За два месяца до этого он был назначен главнокомандующим русской армией, направленной на помощь союзной Австрии. Кутузов считает невыгодным соединение с австрийскими войсками под командованием эрцгерцога Фердинанда, поэтому на смотре он показывает генералу, представителю союзной армии, «печальное положение, в котором приходили войска из России». В то время как австрийский генерал, выполняя волю императора Франца I, настаивает на соединении войск, Кутузов, хорошо понимая невыгодное положение союзной армии, ведет сложную дипломатическую игру.

Кутузов «с приятным изяществом выражений и интонации, заставлявшим вслушиваться в каждое неторопливо сказанное слово», обращается к собеседнику:

«Я только одно говорю, генерал, что ежели бы дело зависело от моего личного желания, то воля его величества императора Франца давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы к эрцгерцогу. И верьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство армией более меня сведущему и искусному генералу, какими так обильна Австрия, и сложить с себя всю эту тяжкую ответственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бывают сильнее нас, генерал».

Кутузов не страшится отклонить волю императора и прибегает к дипломатическим приемам и уловкам, чтобы не обострять отношения с союзниками. Он «поклонился, не изменяя улыбки», «кротко улыбался все с тем же выражением, которое говорило, что он имеет право предполагать это», «тяжело вздохнул, окончив этот период, и внимательно и ласково посмотрел на члена гофкригсрата». Австрийцы, находясь в невыгодном положении, стремятся втянуть русскую армию в кампанию против Наполеона, Кутузов, прекрасно видя эти расчеты, искусно избегает военной и дипломатической ловушки. И даже тогда, когда представитель Франца I говорит, что из-за настоящего замедления «славные русские войска» и их главнокомандующие лишатся «тех лавров, которые они привыкли пожинать в битвах», Кутузов достойно парирует, скрывая свои твердые намерения за вежливыми выражениями:

«А я так убежден и, основываясь на последнем письме, которым почтил меня его высочество эрцгерцог Фердинанд, предполагаю, что австрийские войска, под начальством столь искусного помощника, каков генерал Мак, теперь уже одержали решительную победу и не нуждаются более в нашей помощи».

Кутузов оставляет свои дипломатические приемы и уловки при появлении австрийского генерала Мака, сдавшего всю армию под Ульмом, и ведет себя просто и великодушно («...почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь»).

После поражения союзной армии «русские войска, до сих пор бывшие в бездействии», должны были встретиться с неприятелем. Кутузов искусно выводит русскую армию из-под удара превосходящих военных сил Наполеона, предпринимая маршевый бросок от Браунау до Ольмюца. Русская армия, преследуемая сотысячным французским войском, испытывая недостаток продовольствия, «поспешно отступала вниз по Дунаю, останавливаясь там, где она была настигнута неприятелем, и отбиваясь арьергардными делами, лишь насколько это было нужно для того, чтобы отступить, не теряя тяжести». В отступлении по Дунаю проявился полководческий талант Кутузова. Он ставил единственную, почти недостижимую цель — «не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России».

Спешно отступая вниз по Дунаю, Кутузов впервые остановился 28 октября 1805 года тогда, когда армия перешла на левый берег и главные силы французов остались на правом. 30 октября Кутузов «атаковал находящуюся на левом берегу Дуная дивизию Мортье и разбил ее». Эта победа подняла дух войска, раздетого, изнуренного, на одну треть ослабленного отставшими, ранеными, убитыми и больными. После двухнедельного отступления «русские войска остановились и после борьбы не только удержали поле сражения, но прогнали французов».

1 ноября 1805 года в русском штабе было получено известие, что французская армия направилась в сторону Кутузова, собираясь отрезать его силы от войск, шедших из России. В невероятно трудных условиях, когда над русской армией нависла угроза разгрома, проявляются блестящие полководческие дарования Кутузова. Он проводит рискованную военную операцию, посылая четырехтысячный авангард Багратиона задержать французов.

Прощаясь с Багратионом, от действий которого зависела судьба русской армии, Кутузов не произносит высокопарных слов («Ну, князь, прощай. Христос с тобой. Благоговяю тебя на великий подвиг»). Он ведет себя естественно и просто:

«Лицо Кутузова неожиданно смягчилось, и слезы показались в его глазах. Он притянул к себе левою рукой Багратиона, а правою, на которой было кольцо, видимо-привычным жестом перекрестил его и подставил ему пухлую щеку, вместо которой Багратион поцеловал его в шею».

Багратион должен был в течение суток с четырьмя тысячами голодных, измученных солдат удерживать неприятельскую армию, пока Кутузов с обозами достигнет Цнайма. Спасение русской армии казалось невозможным. Однако «странная судьба сделала невозможное возможным». Мюрат, командир французского авангарда, принял отряд Багратиона за всю армию Кутузова и предложил перемирие на три дня, чтобы дожидаться своих войск, отставших по дороге из Вены. Получив известие о перемирии, Кутузов не только немедленно принимает его, но предлагает ни к чему не обязывающие условия капитуляции, что позволило выиграть время. Благодаря умелым действиям Кутузова русские войска избежали бессмысленных потерь при отступлении к Браунау и в ожидании подкрепления из России заняли в районе Ольмюца сильные позиции.

20 ноября 1805 года состоялось Аустерлицкое сражение. С самого начала Кутузов возражал против генерального сражения, которое навязывал Наполеон и которое Александр I решил дать, игнорируя мнение своего главнокомандующего. Накануне военного совета перед сражением на вопрос Андрея Болконского, своего адъютанта, Кутузов отвечает: «Я думаю, что сражение будет проиграно, и я так сказал графу Толстому и просил его передать это государю...» В то время, пока на совете обсуждался план сражения генерала Вейротера, генерального квартирмейстера австрийского штаба, Кутузов был недовольным и сонным, неохотно играл роль председателя и руководителя военного совета. Он «в расстегнутом мундире, из которого, как бы освободившись, выплыла на воротник его жирная шея, сидел в вольтеровском кресле, положив симметрично пухлые старческие руки на подлокотники, и почти спал». Кутузову очевидно было, что сражение будет проиграно. План, основанный на расчетах устаревшей стратегии, не учиты-

вал маневра противника и не имел достаточных данных об обстановке. Кутузов вынужден был подчиниться воле Александра I и союзников.

В утро сражения старый полководец казался изнуренным, раздражительным и даже желчным и злым. При виде российского и австрийского императоров Кутузов, который незадолго до этого, старчески опустившись на седле своим тучным телом, тяжело зевал, закрывши глаза», становится другим: «Вся его фигура и манера вдруг изменились. Он принял вид подначальственного, нерассуждающего человека. Он с аффектацией почти-тельности, которая, очевидно, неприятно поразила императора Александра, подъехал и салютовал ему». Александр I поспешно обращается к Кутузову, «в то же время учтиво взглянув на императора Франца: «Что ж вы не начинаете, Михаил Ларионович?» Все так же играя роль повинующегося, нерассуждающего генерала, Кутузов отвечает: «Поджидаю, ваше величество. Не все колонны еще собрались, ваше величество». Государь, рассчитывая на участие императора Франца, поучает: «Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки». Кутузов звучным голосом ясно и отчетливо выговаривает: «Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде и не на Царицыном Лугу». Ответ был настолько дерзким, что в свите государя на всех лицах «выразился ропот и упрек». После минутного молчания прежним тоном — тоном «тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала» — молвил: «Впрочем, если прикажете, ваше величество». Главнокомандующий «тронул лошадь и, подозревая к себе начальника колонны Милорадовича, передал ему приказание к наступлению».

В Аустерлицком сражении Кутузов был связан в своих действиях как главнокомандующий, но проявил храбрость и мужество как воин. При неожиданном появлении французов войска, пять минут назад проходившие мимо императоров, смешались и бросились бежать. «Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой».

Кутузов же остановился на месте и, прижимая платок к раненой щеке, указывал на бегущих: «Рана не здесь, а вот где!». «С величайшим усилием выбравшись из потока толпы влево, Кутузов со свитой, уменьшенной более чем вдвое, поехал на звуки близких орудейных выстрелов». Он на месте и тогда, когда французы, увидев его, выстрелили по нему, лишь простонал: «О-оох!» Указывая на бегущих русских солдат и неприятеля, Кутузов прошептал «дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом»: «Болконский, что ж это?» И прежде чем главнокомандующий договорил, князь Андрей, едва удерживая тяжелое знамя, «побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним».

Фактически отстраненный от командования после Аустерлица, Кутузов подвергся опале. Вслед за Александром I и двором светское общество Москвы показывало «нерасположение и неодобрение Кутузова». Про него «никто не говорил, и некоторые шепотом бранили его, называя придворною вертушкой и старым сатиром». После Аустерлица Кутузов перемещают уже на второстепенные военные посты.

В начале Отечественной войны Кутузов возглавляет Петербургское и Московское ополчения. В критической обстановке лета 1812 года Александр I вынужден, уступая общественному мнению, назначить Кутузова главнокомандующим. 8 августа Кутузов принимает командование над всеми армиями.

17 августа он прибывает в войска и принимает решение дать Наполеону генеральное сражение под Бородином. Доклад дежурного генерала Денисова, как и прения накануне Аустерлицкого сражения семь лет назад, Кутузов слушал невнимательно, вернее, вовсе не слушал, он «знал вперед все, что ему скажут, и слушал все это только потому, что надо прослушать, как надо прослушать поющийся молебен».

Своей старостью и опытностью Кутузов «презирал ум, и знание, и даже патриотическое чувство». Он «знал что-то другое, что должно было решить дело, — что-то другое, независимое от ума и знания». Эту способность Кутузова уловил и постиг Андрей Болконский, служивший под его началом в войну 1805 года и в Отечественную войну

1812 года. Он, единственный из окружения главнокомандующего, знал Кутузова в непосредственных и искренних проявлениях характера.

Когда князь Андрей стал служить его адъютантом в войну 1805 года, то Кутузов счел своим долгом написать похвальное письмо его отцу. После Аустерлица в свете об Андрее Болконском уже «ничего не говорили, и только близко знавшие его жалели, что он рано умер, оставив беременную жену у чудака-отца», Кутузов, единственный из всех, дал надежду старому князю. Он извещает его об участии Андрея:

«Ваш сын, в моих глазах, с знаменем в руках, впереди полка пал героем, достойным своего отца и своего отечества. К общему сожалению моему и всей армии, до сих пор неизвестно, — жив ли он, или нет. Себя и вас надеждой льщу, что сын ваш жив, ибо в противном случае в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подан через парламентаров, и он бы поименован был».

Накануне Бородинского сражения, как и накануне Аустерлицкого, Андрей Болконский встречается с Кутузовым. В этом свидании открывается величие Кутузова, которое проявляется в его правдивости, доброте и простоте. Узнав о смерти старого князя Болконского, Кутузов «испуганно-открытыми глазами посмотрел на князя Андрея, потом снял фуражку и перекрестился: “Царство ему небесное! Да будет воля Божия над всеми нами!”» Он находит те слова, которые необходимо сказать князю Андрею в этой ситуации: «Я его любил и уважал и сочувствую тебе всей душой». Кутузов «обнял князя Андрея, прижал его к своей жирной груди и долго не отпускал от себя. Когда он отпустил его, князь Андрей увидал, что расплывшие губы Кутузова дрожали и на глазах были слезы». «Грустно, очень грустно. Но помни, дружок, что я тебе отец, другой отец...» При прощании он говорит князю Андрею: «...Помни, что я всей душой несу с тобой твою потерю и что я тебе не светлейший, не князь и не главнокомандующий, а я тебе отец».

Андрей Болконский чувствует, что в «этом старике» оставались «одни привычки страстей и вместо ума (группирующего события и делающего выводы) одна способность спокойного созерцания хода событий». Возвращаясь в свой полк, Болконский размышляет:

«Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отрекаться от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое».

В размышлениях князя Андрея, последующих описаниях хода Отечественной войны выражена философская идея Толстого, согласно которой история вершится независимо от воли людей, даже таких выдающихся, как Кутузов и Наполеон. Бородинское сражение «не имело ни малейшего смысла» ни для русских, ни для французов. Русские и французы приблизились к тому, чего боялись больше всего на свете. Первые — «к гибели Москвы», вторые — «к гибели всей армии». Полководцы «из всех произвольных орудий мировых событий были самыми рабскими и произвольными деятелями». «Давая и принимая Бородинское сражение, Кутузов и Наполеон поступили произвольно и бессмысленно». В ходе Бородинского сражения Кутузов «не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему».

«Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

Хотя в Бородинском сражении русские достигли успеха, стратегическая обстановка не позволяла перейти в контрнаступление. «Кутузов видел одно: защищать Москву не было *никакой физической возможности*».

Военный совет в Филях «не мог изменить неизбежного хода дел». Понимая, что речь идет о судьбе России, Кутузов не одобряет и не принимает плана начальника штаба графа

Бенигсена, предлагавшего дать новое сражение французам. Кутузов исходил из того, что продвижение русских войск с правого фланга на левый в близком расстоянии от неприятеля опасно. Кроме Бенигсена, Ермолова, Дохтурова, Раевского это понимают все другие генералы. На совете «говорили о том направлении, которое в своем отступлении должно было принять войско». В ночь на 1 сентября Кутузов своей властью, врученной ему государем и отечеством, отдал приказ об отступлении русских войск через Москву на Рязанскую дорогу.

Сама мысль о приказании отступить и оставить Москву, которое он должен был отдать, ужасала Кутузова. Это значило для него «отказаться от командования армией», а Кутузов любил власть, привык к ней. И в то же время он «убежден, что ему было предназначено спасение России и что потому только, против воли государя и по воле народа, он был избран главнокомандующим», и «что он один в этих трудных условиях мог держаться во главе армии, что он один во всем мире был в состоянии без ужаса знать своим противником непобедимого Наполеона».

Сдав без боя Москву, Кутузов сохраняет армию и, совершив смелый маневр с Рязанской дороги на Калужскую, 6 октября одерживает победу в Тарутинском сражении.

Через месяц после сдачи Москвы Кутузов совершил переход от отступления к наступлению, в этом сражении обнажилась слабость французов, и наполеоновское войско получило толчок для бегства.

В описании Тарутинского сражения Толстой подчеркивает, что всякое сражение — Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое — «совершается не так, как предполагали его распорядители». На направление сражения влияет бесчисленное количество свободных сил, «ибо нигде человек не бывает свободнее, как во время сражения, где дело идет о жизни и смерти», оно «никогда не может быть известно вперед и никогда не совпадает с направлением какой-нибудь одной силы».

Как опытный охотник, Кутузов «знал, что зверь ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не разъясненный вопрос».

Единственным душевным желанием Кутузова была гибель французов, которую он предвидел один. В ночь на 11 октября получив известие о том, что Наполеон ушел из Москвы, он, повернувшись «к красному углу избы, черневшему от образов», сложив руки, дрожащим голосом сказал: «Господи, Создатель мой! Внял Ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю Тебя, Господи!» И великий полководец, благодаря военной гениальности которого русские одержали победу в войне, заплакал.

После этого вся деятельность Кутузова заключалась «только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска от бесполезных наступлений, маневров и столкновений с гибнущим врагом», «не останавливать этого губительного для французов движения (как хотели в Петербурге и в армии русские генералы), а содействовать ему и облегчать движение своих войск». Всем своим русским существом Кутузов знал и чувствовал то же, что чувствовал и каждый русский солдат: французы побеждены, враги бегут, и надо выпроводить их за пределы отечества. И «вместе с тем он чувствовал, заодно с солдатами, всю тяжесть этого, неслыханного по быстроте и времени года, похода».

Постигая волю Провидения, Кутузов подчинил ей всю свою личную волю. Он являл «необычайный в истории пример самоотвержения и сознания в настоящем будущего значения события».

Деятельность Кутузова была направлена к одной и той же цели, цели достойной и совпадающей с волею всего народа. И эта цель была полностью достигнута. Он «никогда не говорил о сорока веках, которые смотрят с пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству, о том, что он намерен совершить или совершил: он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые и обыкновенные вещи». Кутузов «писал письма своим дочерям и m-rae Stael, читал романы, любил общество красивых женщин, шутил

с генералами, офицерами и солдатами и никогда не противоречил тем людям, которые хотели ему что-нибудь доказывать».

От начала до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина до Вильны, Кутузов «ни разу ни одним действием» не изменил себе. Иногда он произносил слова совершенно бессмысленные, так как жизненный опыт убедил его в том, что «мысли и слова, служащие им выражением, не суть двигатели людей».

И вместе с тем Кутузов, «так пренебрегавший своими словами, ни разу во всю свою деятельность не сказал ни одного слова, которое было бы не согласно с той единственной целью, к достижению которой он шел во время всей войны». Кутузов один говорил, что *«Бородинское сражение есть победа»* (он повторял это до самой своей смерти и устно, и в рапортах, и в донесениях); а *«потеря Москвы не есть потеря России»*. «На предложение Лористона о мире он отвечал, что мира не может быть, *потому что такова воля народа»*. Кутузов «один во время отступления французов говорил, что *все наши маневры не нужны, что все сделается само собой лучше, чем мы того желаем»*. Он один, заслуживая немилость Александра, говорил, что *«дальнейшая война за границей вредна и бесполезна»*.

Не только слова, но и действия Кутузова доказывают, что он один «понимал значение событий». Все его действия направлялись «к одной и той же цели, выражающейся в трех действиях: 1) напрячь все свои силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облегчая, насколько возможно, бедствия народа и войска». Один, «в противность мнению всех», Кутузов указал «значение народного смысла события». Он ни разу не изменил народному смыслу — «неизбежному ходу событий» — во всю свою деятельность ни в словах, ни в действиях.

Кутузов обладал чистым и сильным народным чувством, которое являлось источником «необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений». Народное чувство поставило Кутузова «на ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтоб убивать и истреблять людей, а на то чтобы спасать и жалеть их».

5 ноября, в первый день Красненского сражения, подчиняясь необходимости, Кутузов выступает перед солдатами и офицерами Преображенского полка. Речь главнокомандующего лаконична: «Благодарю всех за трудную и верную службу. Победа совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава вовеки!» И тысячи голосов откликаются на его слова: «Ура-ра-ра!»

Голоса замолкают, главнокомандующий обращается ко всем: «Вот что, братцы». И это говорит уже не полководец-победитель, а «простой, старый человек, очевидно что-то самое нужное желавший сообщить теперь своим товарищам». Он стоит перед ними в «белой с красным околышем шапке и ватной шинели, горбом сидевшей на его сутуловатых плечах», и просит по-стариковски простодушно и мудро пожалеть пленных. «Вам трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли. Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?»

В торжественной сначала, потом простодушно-стариковской речи главнокомандующего выразилось лежащее в душе каждого солдата «чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам и сознанием своей правоты».

После Красненского сражения русские войска нанесли сокрушительный удар французам на Березине. «Чем дальше бежали французы, чем жалче были их остатки, в особенности после Березины, на которую, вследствие петербургского плана, возлагались особенные надежды, тем сильнее разгорались страсти русских начальников, обвинявших друг друга и в особенности Кутузова». Недовольство Кутузовым, «презрение к нему и подтрунивание над ним выражались все сильнее и сильнее».

Люди, окружавшие Кутузова, не могли понимать его и считали, что «со стариком говорить нечего; что он никогда не поймет глубокомыслия их планов; что он будет

отвечать свои фразы (им казалось, что это только фразы) о золотом мосте, о том, что за границу нельзя прийти с толпой бродяг, и т. п.». Все, что говорил Кутузов («надо подождать провиант», «люди без сапог»), — «все это было так просто», а все, что предлагали генералы, — «так сложно и умно, что очевидно было для них, что он был глуп и стар, а они были властные, гениальные полководцы».

Кутузов понимает, что роль сыграна и время его кончилось. И это действительно было так. В сентябре 1812 года Кутузову исполнилось 67 лет, земной жизни ему было отпущено еще семь месяцев. Он чувствовал «физическую усталость в своем старом теле и необходимость физического отдыха».

29 ноября Кутузов въехал в Вильно. Здесь он отошел от всех военных и государственных забот и «погрузился в ровную, привычную жизнь настолько, насколько ему давали покоя страсти, кипевшие вокруг него». Он «неохотно занимался делами по армии, предоставляя все своим генералам и, ожидая государя, предавался рассеянной жизни».

11 декабря в Вильно прибыл государь. Великий Кутузов, гениальный фельдмаршал (звание пожаловано 31 августа 1812 года), князь Смоленский (6 декабря 1812 года), полководец, благодаря мудрой стратегии которого Россия выиграла войну с Наполеоном, встречал Александра I.

На крыльце замка появилась «толстая большая фигура старика, в полной парадной форме, со всеми регалиями, покрывавшими грудь, и подтянутым шарфом брюхом». Кутузов «надел шляпу по фронту, взял в руки перчатки и бочком, с трудом переступая вниз ступеней, сошел с них и взял в руку приготовленный для подачи государю рапорт».

Когда Александр I высказал ему «неудовольствие за медленность преследования, за ошибки в Красном и на Березине и сообщил свои соображения о будущем походе за границу», на лице Кутузова было то «самое покорное и бессмысленное выражение, с которым он, семь лет тому назад, выслушивал приказания государя на Аустерлицком поле». Кутузов считал, что война в Европе бессмысленна, «новая война не может улучшить положение и увеличить славу России». Он становился «помехой и тормозом предстоящей войны». Не объявляя Кутузову, «ту почву власти, на которой он стоял», передали государю: штаб фельдмаршала перестроили, «и вся существенная сила штаба Кутузова была уничтожена и перенесена к государю».

Когда Кутузов был необходим, он естественно, просто и постепенно явился «из Турции в казенную палату Петербурга собирать ополчение и потом в армию». Когда роль была сыграна, на его место явился новый, требовавшийся деятель «точно так же естественно, постепенно и просто».

Для новой войны, «для движения народов» стал необходим Александр I, обладающий другими свойствами, взглядами, движимый другими побуждениями. После того «как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы», Кутузову, представителю народа и народной войны, «ничего не оставалось, кроме смерти».